

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕНЦЕВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (по материалам похозяйственных переписей 1924–1925 гг.)

Ю. Н. Квашнин

Проанализированы материалы отчетов похозяйственных переписей, проводившихся в начале 1920-х гг. у ненцев Архангельской губернии. Материалы, включающие в себя комплексные статистические сведения о хозяйстве ненцев, являются неполными, поэтому автор попытался прокомментировать и дополнить их имеющимися в его распоряжении данными различных исследователей. Удалось найти сведения о родовом составе европейских ненцев того времени, о взаимоотношениях ненцев с русскими и коми-ижемцами, подвергнуто сомнению распространенное в то время мнение о вымирании ненцев. Сделан вывод о том, что после проведения переписей были заложены основы взаимовыгодного сотрудничества с ненцами без излишнего вмешательства в их общественные отношения, хозяйство, культуру и быт. Однако изменившаяся политическая ситуация в стране не позволила развивать эти отношения в дальнейшем.

Ключевые слова: европейские ненцы, Всероссийская перепись 1920–1921 гг., кочевья ненцев, родовой состав, оленеводство, «сиротские» олени, демографическая ситуация.

Северная часть Архангельской губернии издавна была разделена на четыре тундры: Канинскую (от п-ва Канин до р. Пёша), Тиманскую (от р. Пёша до р. Индига), Малоземельскую (от р. Индига до р. Печора) и Большеземельскую (от р. Печора до р. Кара). Население, кочевавшее по этим тундрам, — самоеды и зыряне — с XVIII в. было приписано к Мезенскому и Пустозерскому, позднее — Печорскому уезду. Губернское и уездное управление сохранялось здесь и после октября 1917 г. Только в 1929 г. постановлением Президиума ВЦИК от 15 июля было положено начало организации Ненецкого национального округа.

В 1918 г. коренное население Архангельской губернии было втянуто в Гражданскую войну. Особенно почувствовали на себе лишения и голод оленеводы. И белогвардейцы, и бойцы Красной Армии забирали у кочевников оленей на мясо и как тягловую силу, а у охотников конфисковывали огнестрельное оружие и боеприпасы. Только в 1920 г., после освобождения красными войсками Архангельска и прилегающих районов от белогвардейцев и интервентов, на Европейском Севере была окончательно установлена советская власть.

Война и интервенция привели к тяжелым последствиям для традиционного хозяйства кочевников. Были разрушены прежние хозяйственные связи, резко сократился завоз на Север продуктов и товаров, почти вдвое сократилась добыча рыбы и пушнины. Огромные потери понесло оленеводство. На одном лишь Канинском п-ве с 1918 по 1923 г. поголовье оленей сократилось с 53 до 20 тыс. На оленеводческих и особенно рыболовецких стойбищах свирепствовали голод и болезни, смертность коренного населения стала превышать рождаемость [Судьбы народов..., 1994. С. 9–10; Хомич, 1966. С. 224–227].

В этих условиях в 1920–1921 гг. была проведена первая перепись кочевого населения Архангельской губернии (в рамках Всероссийской переписи). Однако ее нельзя считать полной, потому что переписчики не сумели охватить все население Печорского и Мезенского уездов. К примеру, в Большеземельской и Малоземельской тундрах переписью было зафиксировано всего 141 кочевое хозяйство, против 264, отмеченных переписью 1924 г. [Самоеды..., 1925а. С. 7].

Перепись 1920–1921 гг. проводилась для того, чтобы выяснить насущные хозяйственные нужды кочевников и оказать им необходимую экономическую помощь. Основные мероприятия местных властей после переписи сводились к созданию в тундре кочевых советов и кооперативов. В 1920 г. в с. Тельвиска был образован Нижнепечорский самоедский волостной исполнительный комитет, а позднее создана сеть национальных советов и районных исполнительных комитетов в Канино-Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах. В 1922 г. был создан первый ненецкий кооператив «Кочевник», а к 1924 г. их стало уже четыре. Самый круп-

ный из них, с центром в с. Тельвиска, охватывал оленеводов всей Большеземельской тундры и о. Варандей [Хомич, 1966. С. 228–229]. В 1923 г. на съезде нижнепечорских ненцев была принята резолюция об объединении всех самоедов «Большой земли и Малой, Тиманской и Канинской тундр и всем другим до Урала» под один самоедский исполком с указанием границ кочевий. Эти пожелания были учтены при создании в 1929 г. Ненецкого национального округа [Хомич, 1970. С. 36].

В целом политику Советского государства в первые годы советской власти в отношении коренных народов Севера можно назвать продуманной и осторожной. Север в то время представлял собой стратегически важную зону, пристальный интерес к которой проявляли иностранные государства. Помимо государственных кооперативов там образовывались различные частные, иногда совместные с иностранцами компании. Они скупали у кочевников пушнину, олени шкуры и мясо, рыбу, сало морского зверя и продавали им муку, чай, сахар, масло, мануфактуру, порох, дробь и пр. Контролировать эту торговлю в полной мере государство не могло. Много товара уходило через перекупщиков за границу. Русские, зырянские и иностранные купцы бессовестно обманывали поголовно неграмотное население тундры, загоняя его, как и в царское время, в вечную долговую кабалу. Советской власти в этих условиях необходимо было привлечь кочевников на свою сторону и ослабить конкуренцию частного капитала.

Исходя из сложившейся у архангельских ненцев ситуации, по инициативе Печорского уездного исполнительного комитета, совместно с Нижне-Печорским самоедским кооперативом и самоедским исполкомом, было принято решение провести в 1924 г. перепись самоедских хозяйств в Большеземельской и Малоземельской, а в 1925 г. — в Канинской и Тиманской тундрах. Средства для переписи были изысканы на месте, в Печорском уезде.

Основной целью этих переписей было оформление приписки подведомственных Печорскому исполкому чумов, выяснение численности и состава кочевого населения, определение числа оленей как объекта обложения налогом. Необходимо было определить продукцию промысла самоедов, их покупательную способность, потребность тундры в основных товарах и продуктах и выяснить задолженность самоедов различным организациям. Первоочередная же задача заключалась в усилении и организации культурно-просветительской работы среди самоедского населения.

Переписями 1924 и 1925 гг. не были учтены оседлые ненцы. Хотя, по данным исследователей, уже к началу XIX в. на Европейском Севере их было значительное количество. Они знали русский и коми-ижемский языки, носили одежду из ткани, жили в избах, в быту уподоблялись русским. В большей степени подверглись русскому влиянию малоземельские ненцы, некоторые из них осели в припечорских деревнях Андег, Оксино, Никитцы и др. Большеземельские ненцы испытали сильное влияние коми-ижемцев, часть из них утратила родной язык. Почти не затронутой русским влиянием оказалась традиционная культура канинских и тиманских ненцев [Хомич, 1970. С. 30].

Переписи охватили почти всех самоедов, проживавших в четырех тундрах, за исключением отдельных семей, откочевавших в отдаленные места. Отчет по материалам переписи 1924 г. в Большеземельской и Малоземельской тундрах был опубликован сотрудником Архангельского комитета Севера Н. Ф. Плетцовым в № 2 и 3 журнала «Северное хозяйство» за 1925 г., а отчет по Канинской и Тиманской тундрам — Н. Сапрыгиным и М. Синельниковым в № 2–3 (сдвоенном) того же журнала за 1926 г.

Отчет 1924 г. предваряет эмоциональное, несколько пафосное введение, описывающее положение архангельских самоедов, то значение, которое они представляют для страны, цели и задачи переписи. Вот небольшая выдержка из него: *«Некультурные, поголовно безграмотные, исстари одурманенные “казенкой” и страшно угнетенные вековой кабалой хищнического капитала царских времен, эти пасынки природы, тем не менее, представляют для всего трудового Союза известное значение. Это значение обусловлено, главным образом, тем, что наши северные инородцы-самоеды прекрасно приспособлены к суровым климатическим условиям крайнего Севера и на громадных тысячеверстных пространствах его являются единственными обитателями, оживляющими эти необозримые пространства и применяющими свою волю и энергию к использованию его природных богатств»* [Самоеды..., 1925а. С. 5].

В отчете о поездке в Большеземельскую и Малоземельскую тундры отмечены следующие места кочевков оленеводов (табл. 1).

По Малоземельской тундре сведения в отчете не полные, даны только места летних кочевков, а в конце информация немного скомкана, не указано количество чумов [Там же. С. 8–9].

Интересно сообщение о том, что «некоторые чумы большеземельских ненцев уходят на р. Колву к своим оседлым сородичам — Колвинским самоедам». Здесь идет речь об этнографической группе европейских ненцев, которая сложилась в начале XIX в. из расселявшихся по р. Колве (притоку р. Уса) коми-ижемцев и перешедших на оседлость крещеных большеземельских ненцев. В процессе межэтнических контактов колвинские ненцы утратили родной язык и говорят сейчас на коми-ижемском языке, однако помнят, что их предки говорили по-ненецки. Быт колвинцев мало отличается от быта коми-ижемцев. Они живут в избах, занимаются молочным животноводством и оленеводством, отдельные семьи — земледелием. Одежда, домашняя утварь, пища у колвинцев такая же, как и в соседних коми-ижемских селениях. В пределах современного Ненецкого автономного округа колвинцы живут в основном в п. Хорей-Вер, а на севере Республики Коми — в п. Харута и кочуют по прилегающей к ним тундре. Во второй половине XIX в. некоторые колвинцы вместе с коми-ижемцами стали перекочевывать за Урал в пределы Тобольской губернии. Сейчас в Тюменской области колвинцы проживают в Березовском р-не ХМАО и в Шурышкарском, Приуральском, Надымском р-нах ЯНАО. Они носят характерные фамилии, производные от названий ненецких родов: Хатанзеевы, Валеевы, Артеевы, Лагеевы и др. Колвинские женщины в отличие от ненок других групп носят ижемские сарафаны. Части одежды называют по-русски (как и все коми): сарафан, фартук, плат, кокошник, рукава. Большинство колвинцев считают себя ненцами, хотя понимают, что отличаются от основной массы ненцев, сохранивших родной язык и национальную культуру. Ненцы называют их, как и всех коми, зырянками, а коми — изьва яран (ижемские ненцы) [Хомич, 1970. С. 45].

Таблица 1

**Места летних и зимних кочевков ненцев
Большеземельской и Малоземельской тундр в 1924 г.**

	Лето	Зима
Большеземельская тундра		
Югорский Шар	87 чумов	Некоторая часть
Карская тундра	21 чум	—
Пытков Камень	24 чума	—
Вылкин Нос	12 чумов	—
о. Варандей	25 чумов	20 чумов
Устье р. Кара	2 чума	—
р. Черная	—	79 чумов
р. Хайпудыра	—	20 чумов
У Обдорска или на северных лесных отрогах Урала	—	до 40 чумов
о. Вайгач	—	Некоторая часть
р. Колва	—	Некоторые
Вблизи р. Печора и в Малоземельской тундре	—	12–15 чумов
<i>Всего</i>		173 чума
Малоземельская тундра		
оз. Хайредей	2 чума	—
р. Ханувей	4 чума	—
оз. Песчаное	9 чумов	—
р. Песчанка	7 чумов	—
р. Неровей	6 чумов	—
оз. Нярутей	2 чума	—
оз. Икца	2 чума	—
оз. Танюй	2 чума	—
р. Сендяга	4 чума	—
Реки Сюльмана, Вельть, Калкан, Нярута	По 2 и 3 чума	—
р. Лиственничная	4 чума	—
Мырнейская губа	1 чум	—
Толстой Нос	2 чума	—
Харейский хребет, сопка Половинская, сопка Тюндерли, Мырлапта, Халмерский и Мырновский Носы, р. Сойма, озера Индигские, Ярвезер, р. Тонкая и т. д.	Не указано	—
<i>Всего</i>		90 чумов

Относительно кочевков ненцев по Большеземельской тундре автор отчета сообщил, что наблюдается некоторая неравномерность распределения самоедов-кочевников по громадному пространству тундры. «Летом они ютятся у Югорского шара, зимой сосредоточены в районе Черной реки по преимуществу, не проникая далеко к югу в лесную часть тундры». Не имея све-

дений о взаимоотношениях самоедов и зырян, он только предположил, что тундра каким-то путем поделена между ними, а как именно, неизвестно [Самоеды ..., 1925а. С. 8].

По данным исследователей, освоение коми-зырянами северных территорий началось с их переселения на север нынешнего Коми края в XVI–XVII вв. В это время на Печору регулярно перемещались промышленные и торговые люди, беглецы из поморских уездов, охотники-промысловики с Вымской и Удорской земель [Лашук, 1972. С. 148]. Московское правительство поощряло хозяйственное освоение северных окраин государства и выдавало разрешение на основание слобод русским крестьянам и коми-зырянам. В последней четверти XVI в. в низовьях р. Ижмы образовалось коми-зырянское поселение Ижемская слобода. Ее население складывалось в процессе переселения представителей разных групп коми, а также ненцев и русских [Жеребцов, 1982. С. 78; Лашук, 1972. С. 108, 147–150, 206–207].

Здесь же коми-ижемцы познакомились с оленеводством. Из Большеземельской тундры в Ижемскую слободу периодически наезжали ненцы, выменивая у ижемцев оленья мясо, шкуры, рыбу на необходимые им предметы домашнего обихода. Ижемцы присматривались к ненцам и к тому, как те управляют с оленями. «Сметливые Зыряне,— писал Владимир Иславин,— по примеру Пустозерских крестьян, сами мало помалу начали обзаводиться оленями, однако не свыкнув еще с кочевой жизнью и с оленеводством, не осмеливались вступать в тундру, а предоставляли пастьбу оленей опытным в сем деле Самоедам» [1847. С. 20]. Со второй половины XVII в. ижемцы «...научились у кочевых жителей как обходиться с оленями... сами стали ходить в тундру, и, перешедши за Печору и Усу, ежегодно все более и более распространяли оленеводство» [Иславин, 1847. С. 21. Народы России, 1994. С. 198]. В 1843 г. во владении ижемцев Печорского уезда Архангельской губернии находилось уже 120 тыс. голов оленей, а в 1894 г. ижемцы владели 70 % всего поголовья оленей [Дунин-Горкавич, 1995. С. 120, 125].

Со временем оленеводство коми-ижемцев приобрело товарный характер. Ежегодно пастухи забивали около 20 % стада, в том числе маленьких телят, с целью продажи мяса и шкур [Ямал..., С. 154]. В конце XIX — начале XX в. зырянское оленеводческое хозяйство получало чистый ежегодный доход от стада в 500 голов около 400 руб. (т. е. по 80 коп. с каждого оленя), расходы составляли около 100 руб. в год и были связаны в основном с арендой зимних пастбищных угодий у зауральских ненцев [Дунин-Горкавич, 1996. С. 114].

Зыряне старались увеличить число принадлежащих им оленей, извлекали возможные выгоды и разумно пользовались как оленями, так и продуктами, получаемыми от них, в отличие от ненцев, которые не стремились получить от своего стада денежную выгоду и «требовали от оленя только одного — чтобы он давал им самое необходимое для их неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду» [Там же]. Все это позволило коми-ижемцам довольно быстро закрепиться в тундре и значительно потеснить ненцев-оленеводов.

В отчете указано, что до 40 чумов большеземельских ненцев уходили на зиму к Обдорску. Перекочевки европейских ненцев за Урал известны по документальным источникам с XVII в. [Долгих, 1960. С. 73; 1970. С. 33–34]. Однако, возможно, перекочевки 1924 г. опять же связаны с вытеснением коми-ижемцами ненецких хозяйств из Большеземельской тундры. Можно предположить, что среди ненцев, переходивших за Урал, были семьи тех же колвинцев, которые откочевывали туда вместе с коми-ижемцами. Как известно, в начале XIX в. ижемские оленеводы совершали лишь сезонные перекочевки за Урал и только после 1840-х гг. стали постепенно оседать в Березове и Обдорске. Одним из главных населенных пунктов в низовьях Оби, где предпочитали селиться ижемцы, было село Мужы. Ижемские оленеводы в зимнее время переходили за Урал для закупки хлеба и продажи продукции оленеводства и возвращались обратно в Ижму [Конаков, Котов, 1991. С. 49]. С 40-х гг. XIX в. ижемцы стали устраивать в Мужах торжок, проходивший обычно в ноябре, после установления зимнего санного пути. По окончании торжка некоторые торговцы возвращались за Урал, а другие отправлялись в Обдорск [Юрьев, 1852. С. 323]. После постройки в 80-х гг. XIX в. А. М. Сибиряковым Ляпин-Печорского участка дороги через Урал число ижемских переселенцев в Западную Сибирь стало постоянно возрастать [Дунин-Горкавич, 1995. С. 120–122].

Достаточно полные сведения о названиях родов европейских ненцев с указанием примерных мест их кочевий имеются в работе В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту», вышедшей в 1847 г. В то время европейские ненцы делились исследователями на «тундряные» и «лесовые» роды [Иславин, 1847. С. 132–135] (табл. 2).

Места кочевий самоедов Печорского уезда (по данным В. Иславина на 1847 г.)

	Весна	Лето	Осень	Зима
		Тундряные роды		
Тысси Яу-тысси Лапандеры-тысси Ного-тысси Паганседа-тысси Сиуседа-тысси	Реки Воркота, Сёйда, Хузьмор	Реки Кара, Коротаиха; о. Вайгач (Яу-тысси)	Озера Балбанское и Писье, хребет Ного- соты	Леса
Логей Сядей-Логей Уанакан-Логей Вылка-Логей Пырерка-Логей Выучей	Реки Шапкина, Хабея- га и Колва Вершина р. Хырмора, сопка Сава-седа	Доходят до моря Устье р. Коротаихи	По хребтам оз. Харвей	Колвинская и Харнес Лапта —
	р. Шапкина	Пытков Камень	По хребтам	Озера Серцей и Лайское, р. Хабеяга
		Лесовые роды		
Хатанзей Валей Ванюта	От лесов к морю, против течения рек Хабеяги, Колвы, Хырмора, Хузьмора, Сёйды и Воркоты и обратно			

Сравнивая карту Иславина, приложенную к его работе, с современной географической картой Ненецкого автономного округа, можно сказать, что южная граница округа — 67° с. ш. — обозначилась уже к середине XIX в. В то время большеземельские ненцы редко кочевали ниже этой параллели. В то же время на карте Иславина отмечено девять поселений коми-ижемцев на реках и озерах между 66 и 67-й параллелями (Аники Вокуева, Истомина, Дмитрия Рочева, Филиппа Онуфриева, Иова Попова, Феофана Артеева, Акакия, Василия Канева, Чупрова) и два поселения за 67-й параллелью (Василия Канева и Ивана Терентьева). К 1924 г. кочевья большеземельских ненцев еще более сдвинулись на север и северо-восток.

Исходя из поставленных целей описания хозяйства ненцев, авторы отчетов не приводят в них названия родов и фамилий ненцев, хотя подобные сведения были собраны. Материалы по родовому составу большеземельских и малоземельских ненцев, относящиеся к 1924 г., приводит в одной из своих работ Б. О. Долгих. Он извлек их из фондов архива Академии наук [Долгих, 1970. С. 11, 23] (табл. 3).

Таблица 3

Родовой и численный состав ненцев Большеземельской и Малоземельской тундр (по данным 1924 г.)

Роды большеземельских ненцев	Число человек	Роды малоземельских ненцев	Число человек
Тайбари	222	Тайбари	3
Тысыя	380	Тысыя	262
В том числе:		В том числе:	
Лапандер	159	Лапандер	18
Паханседа (Ледковы)	128	Паханседа	100
Яв	42	Яв	15
Талей	35	Талей	108
Нохо	16	Нохо	21
Лэхэ	314	Лэхэ	—
В том числе:		В том числе:	
Вылка	139	Вылка	—
Лэхэ	61	Лэхэ	4
Пырерка	82	Пырерка	—
Седэй	32	Седэй	—
Хэтанзи	27	Хэтанзи	6
Вэли	25	Вэли	4
Ванюта (Соболевы)	22	Вануйта	14
Вэра	5	Вэра	21
Выуци	4	Выуци	114
Косковы	15	Косковы, Рубцовы, Канюковы	62
Большаков	1	Большаков	—
<i>Всего</i>	1015	<i>Всего</i>	490

Социально-экономическое положение ненцев Архангельской губернии...

Каких-либо данных о фамильно-родовом составе канинских и тиманских ненцев в отчете не приводится. Только в разделе об оленеводстве упоминаются три фамилии — Бобриков, Ванюта (канинские) и Апицины (тиманские) [Самоеды ..., 1926. С. 66]. Не удалось найти никаких сведений на начало 1920-х гг. и по другим источникам. Опираясь на работу Б. О. Долгих, можно сказать, что основными родами у канинских ненцев были Лэхе и Вэли, а у тиманских — Ванюта (Ванюта), которые в ходе исторического развития разделились на малые роды или патронимии [1970. С. 64].

Условной границей между Канинской и Тиманской тундрами в начале XX в. считались р. Грабежная или р. Ома, впадающие в Чешскую губу. По местам кочевок в 1924 г. самоеды этих тундр распределялись следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Места летних и зимних кочевок ненцев Канинской и Тиманской тундр в 1924 г.

	Лето	Зима
	Канинская тундра	
п-ов Канин	Сев. часть — 81 чум	Юж. часть — 9 чумов
р. Вижас	2 чума	4 чума
р. Кулой	—	3 чума
р. Сояна	—	1 чум
Около с. Долгощелье	—	21 чум
р. Койда	—	7 чумов
Зимний берег Белого моря	—	1 чум
До р. Щелья	—	10 чумов
Мыс Абрамова	—	1 чум
У с. Семжа	—	2 чума
Вблизи г. Мезень	—	3 чума
У с. Жердь	—	1 чум
У лесозавода № 49 под Мезенью	—	1 чум
В уроч. «Перепуски»	—	2 чума
В верховьях р. Ома	—	12 чумов
По р. Пёза	—	5 чумов
<i>Всего</i>		83 чума
	Тиманская тундра	
р. Индига	55 чумов	32 чума
Тиманский хребет	3 чума	—
р. Пёша	2 чума	11 чумов
У истока р. Пеша	1 чум	—
р. Гусиница	1 чум	—
р. Волонга	1 чум	—
р. Вельть	1 чум	—
У г. Мезень	1 чум	—
Нижнее течение р. Мезень	—	19 чумов
р. Пёза	—	2 чума
р. Снопа	—	2 чума
Верш. р. Сула	—	1 чум
<i>Всего</i>		66 чумов

Из табл. 4 видно, что в 1925 г. канинские и тиманские ненцы кочевали свободнее, чем ненцы северо-восточных тундр, заходя довольно далеко на юго-запад за пределы нынешней границы Ненецкого автономного округа — к г. Мезень, р. Кулой с притоками и др. Несмотря на тесное соседство с русским населением эти группы ненцев и в XX в. сохранили особенности своей материальной и духовной культуры, многие вели кочевой образ жизни. По данным Л. В. Хомич, это объясняется тем, что постоянные русские поселения возникли здесь только в XIX в. [1970. С. 30]. Кроме того, в отличие от коми-ижемцев и усть-цилемских русских на северо-востоке, русские здесь не претендовали на занятие оленеводством и постоянное проживание в тундре.

Основным признаком благосостояния самоеда-кочевника, как верно замечают составители отчетов, является олень, «размеры оленьего стада предопределяют всю хозяйственную мощность чума» [Самоеды..., 1925а. С. 9]. В 20-х и начале 30-х гг. XX в. у ненцев Европейского Севера сохранялась высокая степень имущественного расслоения. Статистические данные зафиксировали следующее распределение оленей по ненецким хозяйствам: 3572 оленя (25 %) принадлежали 130 малоолненным хозяйствам; 19893 оленя (57 %) — 54 хозяйствам среднего достатка; 6520 оленей (18 %) — 5 хозяйствам богатых оленеводов. Соответственно на один чум

приходилось: в первом случае — 27 оленей, во втором — 367, а в третьем — 1324 оленя [Хомич, 1995. С. 293].

Это положение отмечено и в материалах переписей. Так, в Большеземельской и Малоземельской тундрах в 1924 г. бедных оленеводов, имевших меньше 150 голов оленей, насчитывалось 62,4 %, середняков, имевших от 300 до 500 голов, — 30,3 % и сравнительно крупных оленеводов, как записано в отчете, — 7,3 %. Самым большим в Большеземельской тундре было стадо в 1300 голов оленей, а в Малоземельской — в 590 голов [Самоеды..., 1925а. С. 10]. Хозяйства, имевшие на выпасе меньше 150 голов оленей, причислялись к малооленным и освобождались от налогов.

Похожая картина наблюдается и в отчете по Канинской и Тиманской тундрам. Кроме того, в отличие от материалов по восточно-европейским тундрам, здесь указано общее число оленей по обеим тундрам и среднее число оленей на один чум. У 149 чумов (хозяйств) канинских и тиманских ненцев находилось в то время 19211 голов собственных оленей, что в среднем на один чум составляло по 129 оленей. Также оленеводы выпасали 8908 голов чужих оленей. В Канинской тундре самым крупным было стадо в 1000 голов, а в Тиманской — в 800 голов оленей [Самоеды..., 1926. С. 65–66]. В малооленных хозяйствах было больше ездовых оленей, богатые оленеводы расширяли определенное количество оленей для продажи на мясо и шкуры.

Из всех групп русских в Печорском крае только усть-цилемы (жители с. Усть-Цильма и прилегающих деревень) занимались помимо рыболовства, животноводства и земледелия еще и оленеводством, заимствовав его у ненцев [Хомич, 1970. С. 33]. В Канинской и Тиманской тундрах русские крестьяне с XVIII в. стали скупать оленей у ненцев, но сами, как упоминалось выше, в тундре не селились, предпочитая отдавать оленей на выпас пастухам из обедневших ненцев [Хомич, 1966. С. 59]. В 1925 г. переписчики собрали сведения лишь о части поголовья чужих оленей, находящихся на выпасе у ненцев. В Канинской тундре таких было 2304 оленя, а в Тиманской — 951 олень. Они принадлежали русским крестьянам притундровых сел и деревень — Койды, Долгощелья, Семжи, Неси, Пеши и мещан г. Мезени. Часть из этих оленей были «сиротские» [Самоеды..., 1926. С. 70].

О «сиротских» оленях в работах исследователей и путешественников XIX–XX вв. сведений нет. Короткое замечание встречается только в работе Л. В. Хомич, о том, что «совсем бедные ненцы, имевшие 10–12 оленей и занимавшиеся в основном рыболовством и охотой, сдавали за определенную плату своих оленей на выпас оленеводам с большим достатком» [1966. С. 55]. В отчете по Канинской и Тиманской тундрам имеется более подробная информация. «Сиротскими» назывались олени, принадлежавшие «малолетним сиротам самоедов, для которых самоедские «соборки» (сходы) назначили опекунов, пасущих их стада вместе со своими». За выпас чужих оленей, по договоренности с владельцем оленей, назначалась плата деньгами, оленями и пр. В Тиманской тундре, как пишут составители отчета, в одном случае было взято за выпас 230 голов оленей — 15 важенок с приплодом, в другом — за 150 голов — 50 руб. в год; в Канинской тундре за выпас 150 оленей был взят один олень и три постели, за 50 голов — два оленя и малица, за 40 голов — три оленя, за 220 голов «сиротских» — 4 оленя [Самоеды..., 1926. С. 70].

Демографическая ситуация у ненцев всех четырех тундр в 1924–1925 гг. в целом была стабильной. Всего в отчетах было отмечено 1512 чел. большеземельских и малоземельских ненцев и 865 чел. канинских и тиманских. В таблицах, приведенных в отчетах, возрастной состав населения разбит на четыре категории: до 12 лет; от 12 до 20 лет; 20–60 лет мужчины и 20–55 лет женщины; свыше 60 и 55 лет. Пользуясь методикой оценки уровня воспроизводства популяций А. И. Пики [1995. С. 24–25] и Г. М. Афанасьевой [1995. С. 54], можно, с небольшой долей погрешности, определить, что у ненцев Большеземельской и Малоземельской тундр пропорциональное соотношение репродуктивного (детородного) и дорепродуктивного поколений составляло примерно 1,0:1,5, а у канинских и тиманских ненцев — 1,0:1,8. Это означает, что на одного человека репродуктивного возраста приходилось 1,5 и 1,8 чел. дорепродуктивного возраста соответственно. Из этого следует, что популяцию ненцев в северо-восточных тундрах (по методике А. И. Пики и Г. М. Афанасьевой) можно отнести к категории сужающихся, а популяцию северо-западных ненцев — к категории расширяющихся. Отсутствие точных сведений о численности европейских ненцев в тот период времени не позволяет получить более корректные результаты. Однако, несмотря на это, можно с большой долей уверенности полагать, что в 1920-е гг. ни о каком вымирании европейских ненцев, о чем в начале XX в. эмоционально писали некоторые путешественники [Борисов, 1907. С. 79; Белдицкий, 1910. С. 32], речи быть не

должно было. Подтверждением этого могут служить данные на 1923 г. по северо-восточным тундрам, где за год родилось 90 детей, а умер 61 чел. разного возраста. В 1924 г. в Канинской и Тиманской тундре родился 31 ребенок, а умерло 23 чел. [Самоеды..., 1925а. С. 14; Самоеды..., 1926. С. 65].

Анализируя хозяйственную деятельность ненцев, составители отчетов по обеим группам пришли к единым выводам, что многооленные, экономически сильные хозяйства сдают в различные заготовительные организации больше мяса и шкур, а малооленные — продукты морского и рыбного промысла. На северо-востоке морской и рыбный промысел был развит больше в Малоземельской тундре. На северо-западе промыслом морского зверя ненцы занимались в обеих тундрах, рыболовство преобладало в Тиманской тундре, а промысел песца, куницы и белки был распространен у канинских ненцев (здесь и далее: [Самоеды..., 1925б. С. 16–24; Самоеды..., 1926. С. 70–79]).

Ненцы сдавали заготовителям олени постели (шкуры взрослых оленей), неблюи и пыжики (шкуры телят), живых оленей, оленье мясо, рыбу разную, сало морского зверя, песцовые, лисьи, куньи, беличьи и прочего зверя шкурки. Основными заготовительными организациями на Европейском Севере в то время были Госторг и самоедский кооператив «Кочевник». С ними конкурировали более мелкие государственные и частные организации. Товары и продукты, предлагаемые ненцам в обмен на продукцию традиционных промыслов, вполне удовлетворяли потребности оленеводов и рыбаков. Основными из них были: мука, чай, сахар, масло, табак, соль, сушка и сухари, мануфактура, порох, дробь и свинец. Также некоторые чумы заказывали готовое нижнее белье и прядено.

По количеству потребления ненцами масла можно было говорить о степени благополучия конкретного хозяйства. «Скажи, сколько ты ешь масла, и я скажу — сколько у тебя оленей», — писали авторы отчета.

Переписчиками был подмечен следующий интересный факт. Богатые оленеводы закупали больше продуктов и товаров, чем им требовалось для пропитания семьи. Они делали это с расчетом на то, что их бедные сородичи будут просить у них помощи. Занимались этим в основном оленеводы-ижемцы. Скорее всего, такая помощь оказывалась не безвозмездно, а за разного рода отработки или в обмен на продукты рыбных и пушных промыслов.

Русскими и зырянскими купцами издавна была введена торговля с самоедами в долг или под продукцию будущего промысла. Расценки устанавливались купцами произвольно, и часто при расчете самоед оказывался еще и должен купцу. В начале 1920-х гг. товары и продукты продолжали отпускать ненцам авансом под промысел, что вкуче с неправильными расценками привело к массовой задолженности ненцев одной или сразу нескольким заготовительным организациям. В должниках в то время числилось до 75 % чумов. Не было долгов только у малоимущих, совершенно некредитоспособных хозяев. Общая сумма долга 183 чумов Большеземельской и Малоземельской тундр составляла приблизительно 100 тыс. руб. Отдельные хозяйства были должны 2 и 3 тыс. руб. Больше число должников проживало в Малоземельской тундре. Туда заготовителям добраться было легче, чем объехать необозримые просторы Большеземельской тундры. Так же обстояло дело и на северо-западе, хотя сумма долга 112 чумов была значительно ниже, чем на северо-востоке, и составляла 18818 руб. Заготовители работали больше в Канинской, чем в Тиманской, тундре, потому что она расположена ближе к внетундровым рынкам.

Завершая отчеты, авторы отмечают, что, несмотря на краткость и неполноту материалов, они все же имеют определенную ценность и позволяют сделать общие выводы об экономическом положении самоедов-кочевников. Материалы переписей, прежде всего, опровергают установившееся мнение о вымирании ненецкого народа, несмотря на неблагоприятные условия их жизни. Зафиксированные переписью места кочевок и стоянок ненцев могут помочь в организации административного, хозяйственного, медицинского и культурного обслуживания коренного населения. Прояснилась картина и с оленеводством — основой ненецкого хозяйства. Оно, по мнению авторов, находилось в полном упадке. Для повышения уровня ненецкого хозяйства необходимо его расширять и рационализировать и т. д.

Конкретные меры для улучшения положения ненцев Архангельского Севера были перечислены Президиумом Архангельского губисполкома в постановлении от 18 ноября 1924 г. по вопросу о ближайших очередных задачах Северного Комитета содействия самоедскому населению при Президиуме Архангельского губисполкома:

а) «упорядочение снабжения кочевников продовольствием, предметами первой необходимости, орудиями промысла и упорядочение сбыта продукции самоедского хозяйства»;

б) «выяснение вопроса о задолженности кочевников-самоедов различным заготовителям, принятие мер к безболезненному разрешению этого вопроса и выработка новых условий кредитования кочевников-самоедов»;

в) «выработка мероприятий по укреплению и дальнейшему развитию самоедской кооперации, формы ее объединения и установление взаимоотношений с кооперацией оседлого населения и т. д.».

Одним из результатов переписей, проведенных в тундрах Печорского и Мезенского уездов Архангельской области в 1924–1925 гг., можно считать постановление ЦИК и СНК СССР от 29 сентября 1925 г. об освобождении народностей Севера в связи с тяжелым экономическим положением от всех налогов. Ряд других указов и постановлений были направлены на ограничение ввоза спиртных напитков и прекращение деятельности на Севере частных торговцев [Хомич, 1966. С. 234].

Опираясь на данные переписей 1924–1925 гг., а также по результатам Приполярной переписи 1926–1927 гг. советское правительство принимало меры по упорядочению управления на Европейском Севере. Вначале у ненцев были организованы родовые советы, которые должны были объединять членов одного рода. Однако представители одного и того же рода могли кочевать как в Большеземельской, так и в Тиманской тундре, поэтому родовые советы были вскоре заменены территориальными туземными. В 1926 г. туземные советы были созданы во всех четырех тундрах, а также на островах Новая Земля, Колгуев и Вайгач. Были четко определены границы и состав советов. Советы исполняли роль низовой администрации, подчиняясь своим районным исполнительным комитетам. Их отличие от более поздних сельских советов было в том, что члены туземного совета постоянно кочевали по тундре вместе с оленеводами и были в курсе всех событий и экономического положения ненцев, оказывая им своевременную помощь и поддержку [Там же. С. 230–232].

После образования в 1929 г. Ненецкого национального округа для европейских ненцев началась совершенно другая эпоха. Коллективизация, а затем попытки перевода кочевого населения на оседлый образ жизни во многом подорвали традиционный жизненный уклад ненцев. На наш взгляд, были упущены возможности делового сотрудничества с кочевниками без излишнего вмешательства в их общественные отношения, хозяйство, культуру и быт. Именно в начале 1920-х гг., после проведения переписей, были заложены основы такого сотрудничества. Оно могло бы принести больше пользы для экономики страны, чем неудачные попытки всеобщего уравнивания ненцев с другими народами Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьева Г. М. Этнодемографическая ситуация в нешканской группе чукчей (пос. Нешкан Чукотского района Магаданской обл., 1982 г.) // Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М.: ИЭА, 1995. С. 52–99.

Белдицкий Н. Несколько дней среди ижемских зырян // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1910. № 23–24.

Борисов А. А. У самоедов. СПб., 1907.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с.

Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука. 1970. 270 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. 376 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 3: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерия, 1996. 52 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимодействия коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.

Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.

Лашук Л. П. Формирование народности коми. М.: Наука, 1972. 290 с.

Народы России: Энциклопедия. М.: БСЭ, 1994. С. 198.

Пика А. И. Этнодемографическая ситуация в энурминской группе чукчей (пос. Энурмино Чукотского района Магаданской обл., 1982 г.) // Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М.: ИЭА, 1995. С. 23–51.

Социально-экономическое положение ненцев Архангельской губернии...

Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундр (по материалам переписи 1924 г.) // Сев. хоз-во. 1925а. № 2. С. 5–14.

Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундр (по материалам переписи 1924 г.) // Сев. хоз-во. 1925б. № 3. С. 11–24.

Самоеды Канинской и Тиманской тундр (по материалам переписи 1925 г.) // Сев. хоз-во. 1926. № 2–3. С. 60–79.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. док. / Сост. Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. Тюмень, 1994. 320 с.

Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.

Хомич Л. В. Современные этнические процессы на Севере европейской части СССР и Западной Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 28–61.

Хомич Л. В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Рус. двор, 1995. 335 с.

Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов // Зап. ИРГО. СПб., 1852. Кн. 4.

Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article investigates materials of reports on stock farm censuses conducted in the early 20s among the Nenets of Archangel guberniya. The materials which include integrated statistical data on the Nenets stock farming are insufficient, so the author tried to comment and supplement these with the data by different scholars available at his disposal. The author was lucky to find the data on the ancestral structure of the European Nenets of that period, and mutual relations between the Nenets and Russians, as well as Komi Izhemets. Subject to doubting remained an opinion widespread at the time as to the Nenets' extinction. The basic conclusion of the article being an assumption that after the conducted censuses they laid the foundation of mutually beneficial cooperation with the Nenets without excessive intrusion into their social relations, economy, culture, and household. Nevertheless, the changed political situation in the country prevented from further development of these relations.

Key words: the European Nenets, All-Russian census of 1920–1921, the Nenets nomadic territories, ancestral structure, reindeer breeding, "orphan" reindeer, demographic situation.